

«Не берусь ответить, что есть жизнь и что есть смерть, это воистину самые сложные вопросы, и никто сегодня не ответит, а может быть, и никогда не ответит на них. Что есть смерть, можно сказать только после смерти, а после смерти никто ещё не заговорил. Ответить, что есть жизнь, нельзя, потому что мы не знаем, что есть смерть. Ибо жизнь — отрицание смерти. Всё взаимосвязано. Устройство Вселенной кое-как объясняют, происхождение жизни — пытаются, а природе сознания нельзя объяснить. Суть же человека, прежде всего, его сознание. И это сознание постоянно напоминает: главное занятие человека — жить, и, я бы подчеркнул это, жить достойно».

Б.В. Раушенбах. «Пристрастие»

Об известном учёном и создателе космической техники, академике Российской Академии наук, профессоре Московского физико-технического института, о действительном члене Международной Академии астронавтики Борисе Викторовиче Раушенбахе (1915–2001) написано много, но я услышала о нём впервые после переезда на новое место жительства в Германию. Он сам

Борис Викторович Раушенбах

называл себя странным человеком со странной судьбой. Как раз эта странность и привлекла меня.

Не у каждого из учёных Академии наук может быть за плечами такая история жизни: немец Поволжья, физик, узник ГУЛАГа, академик. Для такой судьбы нужно было родиться в семье немца по историче-

ским корням. Сам он не верил в закономерность событий, считал, что случай управляет людьми. В своё время А.С. Пушкин писал: «И с отвращением читая жизнь мою, я трепещу и проклинаю...». Эти слова не отпускали сознание Бориса Викторовича в течение жизни. Однажды он процитировал их в отношении себя: «Не трепещу и не проклинаю, но свидетельствую, что моя жизнь — весьма не простая картина, в ней сложно всё до ужаса».

Сложности и везения

Родился Борис Викторович Раушенбах 18 января 1915 года в Петрограде. При крещении по немецкому обычаю получил двойное имя Борис-Ивар. В переводе на русский его фамилия означает «журчащий ручей». Светлой души человек прошёл свой путь журчащим ручьём, решая задачи, которые предназначено было выполнить именно ему.

Его предок, Карл-Фридрих Раушенбах, переселился с семьёй на земли Поволжья в 1766 году по приглашению российской императрицы Екатерины II. Отец, Виктор Яковлевич (1870–1930), родом был из Саратовской губернии, где когда-то обосновалась и до Первой мировой войны процветала крупная немецкая колония. Образование Виктор Яковлевич получил в Германии. С 1917 года по 1920-й семья проживала у родителей отца в городе Маркштадт Марковского района Саратовской области. Осенью 1920 года вернулась в Петроград. Там отец Бориса проработал более двадцати лет на обувной фабрике «Скороход», многие годы занимая должность технического руководителя кожевенного производства.

«Я чувствую себя, — пишет Борис Раушенбах, — одновременно русским и немцем — интересное ощущение. Оно любопытно и с точки зрения психологии, но оно отражает реальность. Мы

выросли в России, впитали в себя русские обычаи, русские представления, нормы поведения. Никаких полководцев или других знаменитостей в нашем роду не было. На Волге — крестьяне, в Прибалтике — купеческое сословие. Сколько бы ни жили в России мои предки, естественно, знавшие русский язык, в семьях и дедов, и отца, и матери говорили по-немецки. Поэтому мы, дети, свободно, вместе с дыханием воспринимали немецкий бытовой язык. И вот я, немец по национальности и абсолютно русский человек по воспитанию, по мировоззрению, по психологии, учиться начал в реформатской школе, но, к сожалению, её не окончил. На исходе двадцатых годов их все закрыли. И немецкий язык я выучил по-настоящему в ГУЛАГе при помощи своего друга, доктора Берлинского университета, истинного берлинца. Мы с ним договорились: раз нас посадили как немцев, давай говорить только по-немецки. Четыре года мы, общаясь, не произнесли ни слова по-русски, и я научился хорошему немецкому языку — до этого у меня был «домашний», — и этим знанием обязан лагерю...»

Мать Раушенбаха, Леонтина Фридриховна, урождённая Галлик, происходила из прибалтийских немцев, владела, кроме русского, немецким, французским и эстонским языками, играла на фортепиано. Как и многие её сверстницы, переместилась из Остзейского края во внутренние губернии России и устроилась бонной в состоятельную семью. Работала учителем иностранного языка, позже — регистратором в поликлинике. «Главным языком в нашей семье был русский, — рассказывает учёный в воспоминаниях, — и мать часто со мной говорила по-русски. Я не отдавал себе отчёта, что нас в семье учат немецкому языку, он вошёл в моё сознание совершенно естественно, оба языка в нашем доме переплетались».

После того как реформатскую школу закрыли, Борис работал около года на Ленинградском авиационном заводе столяром-сборщиком. С серийного производства деревянных самолётов ему удалось перейти на сборку металлических. В 1932 году Борис Раушенбах поступил в Ленинградский институт инженеров гражданского воздушного флота. Там увлёкся конструированием планеров. Испытания их проводились в Коктебеле. Именно там он познакомился с будущим конструктором Сергеем Павловичем Королёвым. В популярном тогда московском журнале «Самолёт» Борис Раушенбах опубликовал свои первые научные статьи о продольной устойчивости бесхвостых самолётов. Дело это было новое.

О национальных проблемах

В 1937 году Раушенбах закончил Ленинградский институт инженеров гражданского воздушного флота, а летом познакомился со своей будущей женой Верой Михайловной Назаренко, будущим историком и археологом. Поженились они в мае 1941 года. В 1950-м появились на свет дочери-близнецы. А в том памятном 1937 году Борис Раушенбах устроился работать в Реактивный научно-исследовательский институт (НИИ-3) Наркомата боеприпасов, в отдел к С.П. Королёву. С тех пор вся его научная и практическая деятельность была в основном связана с ракетной техникой и космонавтикой. Раушенбах исследовал проблему устойчивости полёта и работал над созданием автомата стабилизации крылатой ракеты 212 конструкции С.П. Королёва.

В это же время в стране начались гонения на граждан немецкой национальности. Об этом Борис Раушенбах вспоминает так: «В Ленинграде меня обязательно бы посадили, потому что меня там все знали, в тридцать седьмом многих сажали, почему бы и меня, немца, не посадить? А в Москве на меня некому было писать доносы, потому что я только что туда приехал, в начале тридцать седьмого года. Растворился и исчез. Высшие силы позаботились обо мне и отправили в Москву, чтобы меня в тот раз не схватили с моей национальностью, с моей выразительной фамилией: немец, да ещё проник в авиационную промышленность! Конечно, с целью вредительства, не иначе».

Но сначала случилось непредвиденное: в 1938 году был арестован Королёв. Раушенбаха отстранили от его негласной должности главного конструктора. Он занялся новым делом — теорией горения в воздушно-реактивных двигателях. Осенью 1941 года институт № 3 эвакуировали в Свердловск, выделив для него один из корпусов Уральского индустриального института. В марте того же года Борис Раушенбах получает повестку, предписывающую явиться с вещами в военкомат. Тогда подумал, что призывают в армию.

Эвакуация в Нижний Тагил. Трудармия — Стройотряд 18-74

Через несколько дней после сборов всех, кого собрали в тот день у военкомата, посадили в поезд и через два часа пути выгрузили в Нижнем Тагиле. «Уже в Свердловске мы начали кое о чём догадываться. Когда я явился с вещичками, то в толпе увидел профессора Московского университета Отто Николаевича Бадера, и жена, которая меня провожала в армию, сказала: “Вот, обра-

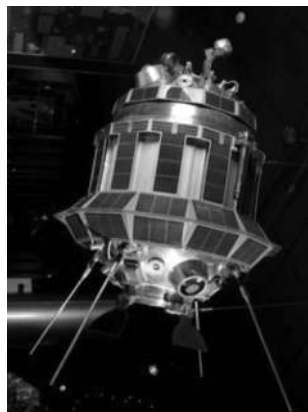
ти внимание, Бадер страшный лопух, и если ты не поможешь ему там, куда вы едете, он неминуемо погибнет”. Она всё поняла! Собственно, и понимать было нечего, вокруг нас стояли немцы, одни немцы, — всё стало ясно. Было много немцев-крестьян с Поволжья, полуграмотных тружеников, была интеллигентная публика: Лой, директор Днепропетровского завода, профессор-химик Стромберг, берлинец Павел Эмильевич Риккерт, защитивший в Берлинском университете докторскую диссертацию, коммунист, голову которого в фашистской Германии оценили очень дорого, и ему пришлось оттуда удрать... В Нижнем Тагиле нас высадили, на грузовике привезли в зону и — всё. Статьи нет, ничего нет. Немцы. А это означало бессрочный приговор: национальность человека с годами никаких изменений не претерпевает. Формально я считался мобилизованным в трудармию, в “стройотряд 18–74”, а фактически трудармия была хуже лагерей, нас кормили скудной, чем заключённых, а сидели мы в таких же зонах, за той же колючей проволокой, с тем же конвоем и всем прочим».

В 1942 году произошло ещё одно везение. Дело в том, что в пересыльном пункте на нарах и в лагере Раушенбах продолжал расчёты, начатые в институте. Решив задачу, отправил почтой коллегам по НИИ-3. Директор и Главный конструктор авиационного завода, Виктор Фёдорович Болховитинов, заинтересовался расчётами и договорился с НКВД об использовании заключённого Раушенбаха в качестве некой «расчётной силы». «Я вообще странный человек со странной судьбой, такое впечатление, что обо мне кто-то явно печётся. Вот и тогда Болховитинов увидел, что я могу что-то сделать, и мы с ним хорошо сработались, с его фирмой. Одновременно в процессе расчётов я хорошо выучил чистую математику, которую не знал; поэтому, считаю, мне повезло вдвойне. После выхода из лагеря я знал математику вполне прилично».

В бараке стоял один стол на всех, за которым он работал. Люди, жившие рядом с ним, умирали от непосильной работы и голода, а он с близкими по духовной организации людьми создал негласную «академию кирпичного завода». В свободное время члены её собирались и делали друг другу сообщения по своей специальности. Позже он напишет: «Жизнь есть жизнь. И даже в лагере можно кое-чего добиться, если очень сильно захотеть. Конечно, проще всего загнуться, но если не загнулся, то всегда можно найти способ связаться с внешним миром... Конечно, то, что немца просто за то, что он немец, посадили за решётку, не прощается и не забывается».

В 1946 году лагерь был заменён на ссылку. Борис Раушенбах переведён под гласный надзор милиции, называемый спецкомендатурой. Ссылные «не имели права удаляться от предписанного места больше, чем на положенное число километров, уйдёшь на километр дальше — двадцать лет каторги». Местом ссылки ему назначили Нижний Тагил. На работу Борис Викторович не устраивался, делал теоретические разработки для института Мстислава Келдыша. В 1948 году, по словам Раушенбаха, тот помог ему освободиться, и по воле случая он оказался снова в том же самом московском институте, откуда его забрали. Позже он скажет: «Келдыш был человеком, который думал о Деле. Начальников в жизни у меня было только два — Королёв и Келдыш, высоко нравственные люди, вот что очень важно. Опять-таки, мне повезло». Через год он защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата технических наук, в 1959 году стал доктором технических наук, а на следующий год — профессором.

Ещё в 1954 году Бориса Викторовича назначили начальником отдела НИИ-1 и научным руководителем по динамике полёта и управлению межконтинентальных ракет «Буран» и «Буря». С этого времени он посвятил себя новой тогда теории управления космическими аппаратами. А в 1959 году его отделом создана первая в мире бортовая система ориентации космических аппаратов для автоматической межпланетной станции «Луна-3», позволившая сделать фотографию обратной стороны Луны.

Межпланетная
космическая станция
«Луна-3»

Последние годы жизни

Не прерывая связь с космической тематикой, академик продолжал научную работу и подготовку кадров для этой отрасли, читал лекции в Международной академии астронавтики. Кроме научно-педагогической деятельности Б.В. Раушенбах вёл исследовательскую и литературную работу. Его вклад в науку бесценен. Как один из создателей ракетно-космической техники, за выполнение важнейших государственных заданий он удостоен Ленинской премии (1960), награждён орденом Ленина за подго-

товку и осуществление полёта Юрия Гагарина. В 1986 году ему присуждена премия имени академика Б.Н. Петрова, а в 1994-м — премия имени промышленников Демидовых. В 2011 году Международным союзом немецкой культуры учреждён грант в области науки имени Бориса Раушенбаха.

В последние десятилетия жизни Раушенбах исследовал картины Средневековья, а особенно — иконы, с точки зрения перспективы. На эту тему и ещё о многом другом написаны им книги. За три года до кончины Борис Викторович присоединился к Русской Православной Церкви. 30 марта 2001 года в Николо-Кузнецком храме Москвы состоялось отпевание новопреставленного раба Божьего Бориса, скончавшегося в возрасте 86 лет. Могила Бориса Викторовича находится в Москве на Новодевичьем кладбище. Незадолго до смерти увидела свет его книга «Постскриптум».

В ней дана широкая панорама событий ушедшего XX века, сопровождаемая размышлениями автора о времени и о себе. Слова учёного в конце книги оказали на меня неизгладимое впечатление. Они звучат предупреждением: «...я далеко не уверен, что человечество вообще сохранится ещё сто лет. Оно упрямо идёт к той грани, где возможность самоуничтожения становится реальной и вероятна даже по ошибке». Людям земли очень хочется верить, что этот пессимистичный прогноз Раушенбаха не сбудется, что люди планеты Земля найдут дорогу для мирного сотрудничества.

Могила академика
Б.В. Раушенбаха